

Пресвятая Богородица, спаси нас!

КОСТИНО, Богородское тожЪ

Газета Богородицерождественского храма г. Королёва

Храм создан в 1689 г. Разрушен в 1954 г. Возрожден в 2005 г.

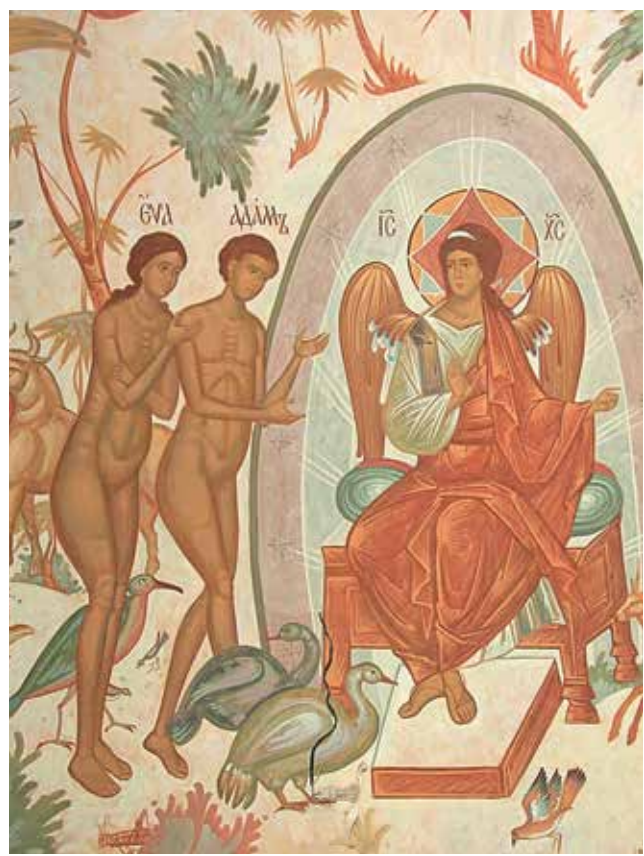

Издаётся по благословию Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия

№2 (100), февраль 2017 г.

ПОСТ ЕСТЬ ПИЩА ДЛЯ ДУШИ

Бог, лишь только создал человека, тотчас отдал его на руки посту, ему поручил его спасение, как нежной матери и наилучшему наставнику. Ибо заповедь «от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него» (Быт. 2, 16-17) — есть род поста.

Адам и Ева в Раю. Роспись притвора Богородицерождественского храма

Если же пост необходим в раю, то гораздо более вне рая; если лекарство полезно прежде раны, то гораздо более — после раны; если оружие было нужно нам ещё до начала войны со страстями, то гораздо более необходимо спорничество поста по открытию такой брани со стороны страстей и демонов.

Господь наш Иисус Христос, постом укрепив плоть, которую ради нас воспринял, в таком именно состоянии отразил искушения диавола, и нас научая постом изнурять и вразумлять самих себя для борьбы с искушениями, и этим лишением как бы давая противнику повод к нападению.

Все наше попечение да будет о спасении души и о том, как бы нам, обуздав телесные похоти, совершить истинный пост, то есть воздержание от зла, ибо в этом и состоит пост. И воздержание от пищи принято для того, чтобы ослабить силу плоти и коня этого сделать нам покорным. Постящемуся более всего нужно обуздывать гнев, приучаться к кротости и снисходительности, иметь сокрушенное сердце, отражать нечистые помыслы и вожеления представлением того неугасающего огня и нелюбимого суда, быть выше любостяжания, в милостыне показывать великую щедрость, изгонять из души всякую злобу на ближнего.

Как невоздержанность в пище бывает причиною и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так и пост и презрение чрева всегда были для нас причиною несказанных благ.

В самом деле, пост есть пища для души, и как телесная пища утучняет тело, так и пост укрепляет душу, сообщает ей лёгкий полёт, делает её способною подниматься на высоту и помышлять

о горнем и поставляет выше удовольствий и приятностей настоящей жизни.

Кто постится, тот становится лёгким, и окрыляется, и с бодрым духом молится, угащает злые пожелания, умиливает Бога и смиряет надменный свой дух. Посему-то апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легчайшие самого ветра. Ибо таковой не дремлет, не говорит много, не зеваёт и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренне молящегося.

Если постимся только напоказ, то от сего не только не получим никакой пользы, но ещё потерпим вред. Если захочешь тщательно исследовать дело, то найдёшь, что пост есть мать и здоровья телесного. И если не веришь моим словам, спроси об этом у врачей, и они яснее покажут это. Воздержание они называют матерью здоровья, а о болезнях в ногах, и о болях головных, об апopleksии, и о рвоте, и о водяной болезни, и о воспалении и об опухолях, и о бесчисленном множестве других болезней говорят, что они происходят от лакомства и пресыщения, как от самого нечистого источника нечистые ручьи, пагубные и для здоровья тела, и для целомудрия души. Итак, не будем бояться поста, который избавляет нас от столь великих зол.

Пост есть лекарство; но лекарство, хотя бы тысячу раз было полезно, часто бывает бесполезным для того, кто не знает, как им пользоваться. Нужно знать и то, в какое время должно принимать его, и количество самого лекарства, и телосложение того, кто принимает, и свойство страны, и время года, и приличный род пищи, и многое другое; и если одно что-нибудь будет оставлено без внимания, то повредит всему прочему, о чём сказано.

Честь поста составляет не воздержание от пищи, но удаление от грехов, так что кто ограничивает пост только воздержанием от пищи, тот более всего бесчестит его. Ты постишься? Докажи мне это своими делами. Какими, говоришь, делами? Если увидишь нищего, подай милостыню; если увидишь врага, примиришься; если увидишь своего друга счастливым, не завидуй; если увидишь красивую женщину, пройди мимо. Пусть постятся не одни уста, но и зрение, и слух, и ноги, и руки, и все члены нашего тела. Пусть постятся руки, пребывая чистыми от хищения и любостяжания. Пусть постятся ноги, перестав ходить на беззаконные зрелища. Пусть постятся глаза, приучаясь не устремляться на благообразные лица и не засматриваться на чужую красоту. Зрение есть пища очей: если она противозаконна и запрещена, то вредит посту и разрушает спасение души; если же законна и дозволена, то украшает пост. Всего нелепее было бы в рассуждении яств воздерживаться и от позволенной пищи, а глазами пожирать и то, что запрещено. Ты не ешь мяса? Не скушай же и глазами нескромности. Пусть постится и слух; а пост слуха в том, чтобы не принимать злословия и клеветы: не внимай, говорит, пустому слуху (Исх. 23:1). Пусть и язык постится от сквернословия и ругательства. Что за польза, когда мы воздерживаемся от птицы и рыбы, а братьев угрызаем и снедаем? Злословящий снедает тело братнее, угрызает плоть ближнего.

Святитель Иоанн Златоуст

100 Великий номер

Дорогие читатели газеты «Костино, Богородское тожЪ»! Наша приходская газета — это совместный труд редакции и прихожан. Она живёт интересами и запросами читателей, освещает предложенные вами темы, рассказывает о поразительных судьбах ваших близких.

Без ваших путевых заметок невозможно представить рубрику «Паломничество», регулярно выходящую много лет. Без ваших рассказов о родных, с честью прошедших испытание страшной войной, не было бы рубрики «Бессмертный полк». Много ещё хранится в наших семьях преданий, достойных опубликования и благодарности народной. В рубрике «Память» вы делитесь историями родных и знакомых, пострадавших за веру в годы богоборчества и репрессий.

В рубрике «Воскресная школа» рассказывается о концертах и спектаклях, подготовленных ребятами и педагогами, а также о встречах в Клубе молодых мам. Любители искусства, которых немало среди наших прихожан, в рубрике «Выставки» рассказывают об интересных вернисажах, которые проходят в выставочном зале исторического музея, соседствующего с храмом, и о других культурных событиях.

У многих постоянных читателей есть излюбленные рубрики: «Проповедь», «Записки настоятеля», «Иконы Богородицы», «Читаем классику». Детям интересна колонка «Светлячок». Большой интерес вызывают статьи по истории нашего храма и усадьбы Костино.

В этом году отмечалось 1000-летие присутствия русских монахов на святой горе Афон, и в каждом номере газеты был материал, посвящённый этому событию.

Держа в руках 100-й номер «Костино, Богородское тожЪ», уместно вспомнить, как всё начиналось. В ноябре 2008 года вышел из печати самый первый выпуск. Двухцветный, на серенькой, почти оберточной, бумаге, он бережно хранится в редакции, занимая почётное место в подшивке. С тех пор газета выходит ежемесячно, как и задумывалось. Материалы, опубликованные в ней, можно читать и в электронном виде на официальном сайте храма hramvkostino.ru.

Девять лет назад, начиная выпуск газеты, нам трудно было даже предположить, что газета пройдёт такой долгий путь. И вот сверстан 100-й номер! С одной стороны — не такое уж достижение на фоне иных российских изданий, (к примеру, журнал «Вокруг света», издающийся с 1861 года, готовится к выпуску 3000-го номера). С другой — всё-таки юбилей и, надо признаться, приятное событие для нашего маленького коллектива.

Благодарим вас, наши дорогие читатели, за ваше благосклонное внимание, участие и читательскую поддержку.

Светлана Попова, редактор газеты

ВСТРЕЧА

— Замёрзла? — спохватился Игорь, только сейчас заметив на Наде лёгкие туфельки. — Даже не переобулась!

— Я рада, что хоть так выскочила! Слышала, там упал кто-то. До метро, думаю, добегу, в метро согреюсь.

— Давай скорее руку... погрею. — Игорь поймал её ледяную ладошку и вместе со своей опустил в карман.

С минуту они шли молча. Кровь сильными толчками с каждым шагом как будто растворялась в её ладони и таяла у него в груди.

— Прости меня!.. Я тебя потерял из вида.

Игорь чувствовал себя виноватым: выходит, он бросил Надю в опасности! Но всё так стремительно произошло, что до сих пор ничего нельзя было понять. Праздничный вечер, традиционно устраиваемый на предприятии в последние числа декабря, вдруг завершился паникой. Как при пожаре, все вдруг повскакивали. Они с Надей, хоть и замешкались в проходе, но ещё стояли рядом. А что было делать? Надавили так, будто тебя самого из зала выносят. Все, сломя голову, бросились вниз по лестнице.

— Меня чуть не задавили. Хорошо, прижали к сиденью, я успела присесть.

— А я, наоборот, в самый водоворот попал. Но я был уверен, внизу встретимся...

Они поравнялись с кафе.

— Заглянем? На минуту. Чаем согреемся?

— Может, в следующий раз? Поздно уже.

— Полседьмого? Поздно? А я бы тебя потом проводил... до дома.

В кафе, на удивление, оказалось свободно. Всего несколько человек. Обычно здесь не протолкнуться. А главное — тепло!

— Стой, отряхну. — Игорь бережно повёл ладонями по влажным плечикам её плащ-пальто. Свою мокрую вязаную шапочку Надя уже сама стряхнула.

— Что возьмём, чай? Кофе?

— Что погорячей!

Через минуту они уже сидели за отдельным столиком. Поднос сдвинули в сторону, чтобы на нём же потом убрать посуду.

— Ну, и денёк! Прямо как снег на голову! — попытался пошутить Игорь, сделав хороший глоток. Он и сам озяб в своей курточке «на рыбьем меху», но вида не показывал. — Так что — с первым снегом! — прибавил он бодро и сам же засмеялся.

Надя молчала, двумя руками держась за стакан.

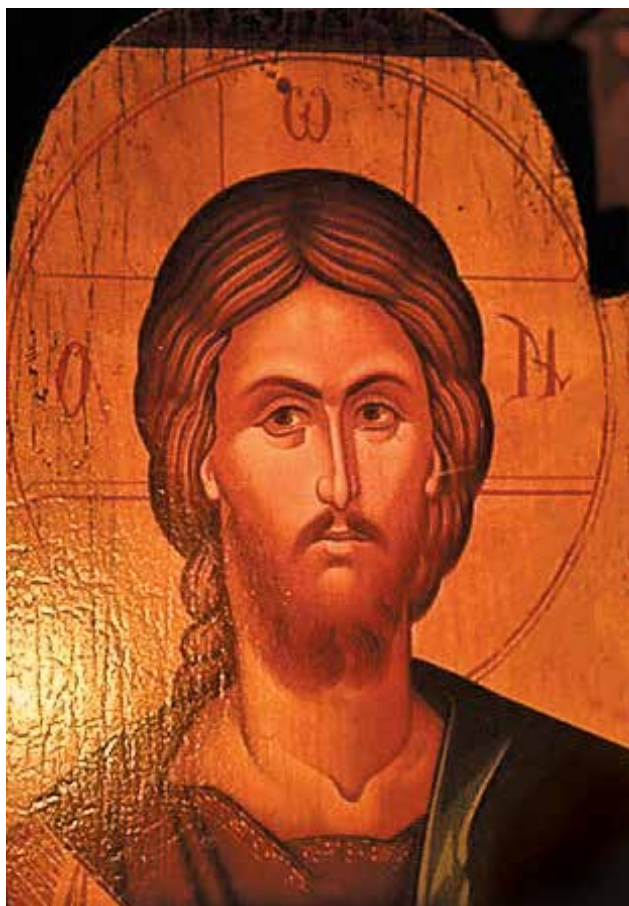
— «Я по первому снегу бреду...» — проговорил Игорь мечтательно. Ему не терпелось как можно скорее оправдаться перед Надей, заглазить свой промах. — Ты никогда не думала, что это и про нас сегодняшних сказано? Ведь только представить: он точно так же бродил по ночной Москве, по её заснеженным «изогнутым улицам»... Или, помнишь? — «Катится, в солнце измокнув, улица предо мной!» Надо же, такое увидеть! Какое счастье, что все эти сокровища стали нам возвращаться, наше духовное богатство! Какие же мы, оказывается, богаты!.. Я Есенина в восьмом классе для себя открыл. А сколько поколений мимо прошло? Десятилетиями был запрещённым поэтом. Какой стыд, какой страшный урон нанесён стране, обществу, таким, как я!.. И как же теперь мы должны быть благодарны!

— «За радость тихую дышать и жить, кого, скажите, мне благодарить?»

— А это кто?

— Осип Эмильевич. Мандельштам.

— Мандельштам?! Запрещённый?! У тебя с собой?!

— В лаборатории остался. В столе.

— А если найдут?

— Не найдут. Он под бумагами.

— А вдруг?

— Ну, если только ты выдашь.

Игорь поперхнулся. Он почти физически ощутил на левой щеке ожог, как от пощёчины. И густо покраснел.

— Я вроде никого ещё... не предавал... и в подлости не был замечен...

— Прости, ты не так понял! Ты честный и порядочный, никогда сознательно не предашь, я знаю. Но ты очень доверчивый и очень... откровенный. Такой даже персонаж был в отечественной классике: «Откровенный мальчик».

— Это у Салтыкова-Щедрина? В школе проходили. Помню. Только что общего?

— «Иная простота хуже воровства».

Игорь промолчал. Он вполне оправился от «оплеухи» и, пожалуй, не находил теперь ничего обидного в Надиных словах. Она сказала правду, которую он сам знал про себя. А разве можно обижаться на правду? — тем более, если правду эту говорит человек, который тебе... безразличен. Он знал за собой эту слабость — словоохотливость и несколько громковатый голос. Знал, что это — недостаток. Боролся с собой. Но что делать, если не всё получается, как хочешь! Столько раз укорял себя, принимал самое искреннее решение исправиться...

— А как, ты сказала, у Мандельштама: «Кого, скажите, благодарить?»

Теперь Надя тревожно оглянулась:

— Ты что так громко!

— Ой, прости, я опять!.. — окончательно смутившись, Игорь вдруг перешёл на свистящий шёпот.

«Беденький! — невольно улыбнулась Надя. — За что я его так? Это же — большой ребёнок!..»

— Я думаю... родителей надо благодарить, — неуверенно продолжил Игорь, всё ещё с опаской поглядывая на Надю, но постепенно опять воодушевляясь: — Они дали тебе жизнь. «Радость дышать и любить». И мы им вечно должны быть благодарны! А ты как думаешь?

— «Дай, Джим, на счастье лапу мне, такую лапу не видал я с роду».

— Нет, серьёзно. У всех народов и во все времена почитание родителей было едва ли не первой этической нормой. Чтобы передавалась из поколения в поколения. Только в этом случае общество может считаться устойчивым.

— Как долго?

— Бесконечно!

— И есть примеры такого бесконечного долголетия общества?

— Римская империя, Византия, наш Советский Союз!

— «Наш Советский Союз»...

— А ты против этической нормы любви к родителям?!

— Нет, конечно! Но эта «этическая норма» — всего лишь одна из десяти заповедей, которые три с лишним тысячи лет назад Бог дал древнему пророку Моисею на Синайской горе. Для вечного исполнения.

— Читал. У меня тоже есть книга Куна «Мифы древней Греции»...

— Мифы здесь ни при чём. И Греция тоже.

— Прости, я, кажется, спутал...

— Немного.

— Ты на меня сердишься?

— Я? За что?

— Ну... мало ли за что!

— Ты какой есть, такой и есть.

— Значит, сердишься.

— Зачем же спрашиваешь?

— Не хочу, чтобы сердилась.

Надя промолчала. «Что ж, ничего страшного, — думала она. — Невежество, конечно, само по себе — недостаток. Но — поправимый. Прочёл, услышал, впитал, — и — слава Богу! Вот если оно воинствующее, агрессивное, то тогда — беда».

Она смотрела на его руки. Он красиво держал вилку, нож. Длинные тонкие пальцы с красивыми ухоженными ногтями. Красивые руки. Музыкальные. Признак хорошего воспитания, благополучия. Целеустремлённости.

Они встретились глазами.

— Ты мне веришь?

— Ты всех так спрашиваешь?

— Мысленно — да. Это плохо?

— Если мысленно, может, и не плохо. Только ведь мысленно и ответят.

— Но ты-то не мысленно ответишь?

— Верю.

Игорь всё ещё смотрел на Надю, хотя она уже опустила глаза. Смотрел на её красивое овальное лицо, обрамлённое густыми каштановыми волосами, схваченными на затылке в огромный тугой узел. Этот узел уже несколько месяцев не давал ему покоя. Даже во сне. Вернее, особенно во сне. Кажется, с самого первого дня, как он увидел её этой весной. Тогда она в качестве молодого специалиста только-только появилась на предприятии, в той же лаборатории технического обеспечения нефтедобычи, где он корпел уже почти три года тоже молодым специалистом, и очутился рядом с ним, за соседним столом! Ему до щемящей боли в груди хотелось когда-нибудь схватить этот узел обеими руками и сжать. Сжать и мять, мять изо всех сил, до тех пор, пока он не дойдёт в этом узле до самой сути, до той сокровенной тайны, которая, он был уверен, хранилась в его сердцевине. Чтобы и самому потом раствориться в этой тайне.

Он осторожно положил дрожащую ладонь ей на руку. Помедлив, Надя мягко высвободила руку. Чай они допили, и теперь просто наслаждались в тепле. Благо, никто их не торопил.

— О чём ты сейчас думаешь?

— Не о чём, а о ком. О тебе думаю.

Игорь затаил дыхание. Он и сам уже корил себя, на чём свет стоит, что так глупо подставился с этими «мифами греческими», и готов был хоть сквозь землю провалиться...

— Думаю, какой ты умный, воспитанный. Весь положительный...

У Игоря заныло под ложечкой. Как удара грома он приготовился теперь услышать завершающее роковое «но».

— С тобой интересно встретиться где-нибудь в компании, с друзьями... — продолжила Надя. — Только этого ли мы ищем в человеке, который, как нам кажется, мог бы стать твоим спутником не на вечер, или отпуск, или...

— На всю жизнь! — сам того не ожидая, вдруг выпалил Игорь, и из его глубоко посаженных глаз к Наде устремились два обжигающих голубых луча.

— Если в жизни однажды случилось бы так, как нам хочется...

— Настала бы райская жизнь!

— ...мир немедленно прекратил бы существование.

— Это почему?

— Очень просто: один хочет, чтобы был день, другой — чтобы был вечер, или ночь. Один хочет идти направо, другой — налево, и тянет другого за собой.

— Но если есть любовь, они всегда могут договориться! У нас есть любовь?

Игорь опять обмер. Почему, почему он без конца должен к этому возвращаться, допытываться? Ведь уже объяснились! Уже были сказаны слова, те самые, необходимые, которые обычно связывают двух людей навеки. В чём же дело?!

— Есть, — сказала Надя. — Но не могу вместо «хорошо» выбрать «плохо». Как бы ты меня ни уговаривал.

— Хорошо, не надо. Я и не настаиваю. Я ведь тоже понимаю, что есть и «хорошо» и «плохо». Договорились ждать — будем ждать, как ты хочешь...

— Да не как я хочу! Твоё понимание, что «хорошо», что «плохо», не совпадает с моим. Не обижайся, пока не совпадает. И нам обоим трудно, пока мы должны ради друг друга называть плохое хорошим, и наоборот. А если жертвовать придётся не самочувствием, но совестью, то тогда наступит конец...

— А ты уверена, что твоё представление, что «хорошо», что «плохо», — истинно?

— Нет, обоим, говорю, трудно. И я могу заблуждаться. Как в лесу: куда ни пойдешь — везде деревья. Нужен компас.

— Вот и я про то же! А у нас — любовь. Это разве не компас?

— Компас, компас. Но с очень ограниченной дальностью. Нужен главный, стратегический компас. Который бы указывал путь не на ближайшую поляну, а чтобы всю чашу преодолеть и не попасть ни в яму, ни в болото.

— И где же взять его, такой «стратегический» компас? — спросил Игорь насмешливо. Он не заметил, как начал горячиться, а сейчас вдруг почувствовал раздражение.

— Я говорила.

— Что ли опять Бог твой?

— Что ли.

Игорь задохнулся. Опять! Опять этот Бог оказался у него поперёк пути и всё разрушил! Сколько можно? Шестидесять лет уже Советской власти, вся страна давно грамотная — и снова Бог!

Он побарабанил пальцами по столу.

— Ты меня прости! Я бы не говорила так с тобой, если бы не любила. Но я люблю тебя.

— Надя!.. — Два голубых луча на миг вспыхнули из глубины его глаз — и погасли. — Прости, прости!.. — Он прижал её руку к губам. — Я исправлюсь! Я обещаю, ради тебя,

я очень хочу исправиться... ты мне дорогá... неужели ты не видишь?! — как в горячке, скороговоркой бормотал он, склонившись, не выпуская и уже чуть не до боли сжимая её руку...

До станции они домчались как на крыльях. Надя и впрямь поспежала за ним, точно по воздуху. Игорь так ловко подхватил её под руку, как пёрышко, что в своих туфельках ей только и оставалось, что перелетать через сугробы. Потому что снег уже не сыпал, а целыми охапками валил на тротуар, мостовую, крыши еле ползущих автомашин и, казалось, на всю вселенную.

В метро они, наконец, перевели дух. Здесь скопилось полно народу. Все тоже оживлённо топтались, отряхивались.

— Ну, и погодка! — Надя помотала головой, приходя в себя, и украдкой восхищённо взглядывала на Игоря.

— Да! По-настоящему предновогодняя!.. — Игорь, точно впервые, смотрел на её заснеженное лицо. Снег узорчато обрамлял волосы, выбившиеся из-под шапочки, сверкал на ресницах и, казалось, в самих глазах, отражавших бесчисленные огни светильников. — Не промокла?

— Ничего... теперь скоро... до дома...

Они спустились по эскалатору. Игорь уже не выпускал Надю, крепко держа под руку. Как свою собственность! Он почувствовал перемену между ними после сегодняшнего объяснения и Надиного признания, такого неожиданного и драгоценного! Какая же она великодушная!

Но сейчас на Надю было больно смотреть. В туфельках! Не заболела бы! Наверно, надо было бы из кафе — сразу взять такси. Ну, что же он за недотёпа такой! Хотя где там было искать это такси? И потом всё так стремительно произошло... А метро — в двух шагах! И ехать — одна лишь пересадка...

На «Маяковке» тоже всё замело. Но уже понемногу стали расчищать. Техники нагнали видимо-невидимо.

Идти было — совсем ничего: вниз по Садовому и на Бронную. Он бессчётное количество раз бывал уже тут. И в самом деле, и мысленно. Ну, если по правде, то в основном, конечно, мысленно. Однажды лишь летом проводил он Надю до дома. Но здесь же, у подъезда, и расстались.

Сердце защемило, когда они поднялись на пятый этаж. Он даже не успел толком оценить: сегодня, кажется, и вопрос не стоял, обоим ли подниматься?

Справа от входной двери колонкой спускались три кнопки звонка — каждому соседу коммунальной квартиры. Надя нажала среднюю. Дверь открыла мама.

— Ну, наконец-то! Я уже волновалась. Здравствуйте! Ой, сколько снега! Стойте-ка, дайте я вас немного щёткой...

— Здравствуйте, Екатерина Михайловна!

— Мама, это Игорь. Я тебе про него говорила.

— Здравствуйте, Игорь! Очень приятно! — Екатерина Михайловна протянула руку. — Нет-нет, там разденетесь. Проходите!

По коридору с поворотом подошли к Надиной комнате. Здесь, в закутке, была оборудована вешалка. Разделись.

— Да что же ты в туфельках сегодня! В такой снег!

— Так получилось! Сейчас я... — Надя скинула пальто и скрылась за поворотом.

— Ну, как так можно! Это что, мода такая?

— Да нет. Просто у нас митинг был сегодня, — будто оправдываясь, заговорил Игорь, входя в комнату. — А там какое-то ЧП произошло, и свет погас. Ну, тут и началось. Такой шурум-бурум... все, сломя голову, побежали...

— Проходите, присаживайтесь. Обедать будете?

— Спасибо. Мы только что из кафе. Чай если?

— Хорошо, будем пить чай.

Екатерина Михайловна вышла. Игорь остался в комнате один. Осмотрелся. И первое, что сразило его наповал, — в углу, «красном» углу, как он только сейчас понял, висела икона, которую почему-то он сразу не заметил. Подошёл ближе. Это был Иисус Христос. «Спаситель». Перед иконой на полочке горела лампадка. Видно было, за этим местом ухаживали.

Вот, оказывается, откуда у Нади был Бог. От мамы. А может, и раньше от кого-нибудь. Может, от бабушки. Отца у Нади не было. Она рассказывала. Папа её был геолог. Три года назад погиб в авиакатастрофе. Интересно, он что, тоже верил в Бога? Выходит, что верил. А Бог его не спас. Икона давно тут висит. Не меньше трёх лет, по крайней мере.

Вошла Екатерина Михайловна с чайником. Вслед за ней — Надя. В домашних тёплых онучах, посвежевшая. Игорь впервые увидел её в домашней обстановке. У него закружилась голова. Кажется, Надя, как вошла, заговорщически улыбнулась ему!

— Вот и чай подоспел, — сказала Екатерина Михайловна. Прошу, усаживайтесь!

— А вкусненькое что-нибудь будет?

— А как же? Варенье! Игорь, какое вы любите: вишнёвое, абрикосовое?

— Спасибо! Я всякое люблю. Если сладкое.

— Ка-кой вы сладкоежка! — улыбнулась Екатерина Михайловна, разливая чай. — Кому покрепче? — говорите.

— Мама, мы не помолимся. Игорь неверующий у нас... пока.

— Хорошо. Неверующий — не будем... из уважения... Пожалуйста, Игорь, пробуйте любое. Собственное приготовление. Это даже не варенье, а так, пятиминутка. Чтобы витамины сохранились. Какое вам больше понравится?

Надя взглянула на Игоря:

— Ты что?

Мать с дочерью переглянулись.

Игорь сидел бледный, неподвижно смотрел перед собой.

— Что с тобой? Тебе плохо?

— Я прошу прощения... — каким-то сдавленным незнакомым голосом проговорил Игорь. По его каменному лицу потекли слёзы.

Наступила тишина.

— Простите меня! — повторил он, вставая, весь дрожа и уже не сдерживаясь, даже не пытаясь сдерживать рыдание. — Давайте помолимся!.. — Он умолк. Полез в брючный карман за носовым платком. — Я — верующий!

Женщины сидели, притихшие. Обе плакали...

Домой к себе на «Юго-западную» Игорь возвращался на метро. Он даже рад был как можно дольше побыть в окружении незнакомых людей. Неведомое доселе чувство переполняло его: он еле сдерживался. Его будто какая-то сила подталкивала прямо сейчас, сию минуту встать и во всеуслышание объявить о величайшем событии в его жизни!

Вот только почему-то никак не мог доискаться в памяти своей, когда в точности, в какой момент это событие произошло, и он попал совершенно в иной, неведомый и такой долгожданный мир, где жила Надя со своей мамой, и где, оказывается, вечно живёт Бог.

Сегодня он встретился с Богом! Ему даже показалось, будто он и раньше знал Бога, давным-давно. А сегодня, наконец, встретил.

Встретил, чтобы уже никогда не расставаться с Ним.

*Настоятель храма
протоиерей Борис Куликовский*

№1(1), 2008

№2(2), 2008

№4(6), 2009

№6(8), 2009

№9(11), 2009

№2(16), 2010

№4(18), 2010

№12(62), 2013

№9(71), 2014

№12(50), 2012

№7(57), 2013

№9(59), 2013

№5(79), 2015

№12(74), 2014

№11(85), 2015

№9(95), 2016

№11(97), 2016

№2(100), 2017

Главный редактор: настоятель Богородицерождественского храма протоиерей Борис Куликовский

Ответственный редактор: Светлана Попова

Дизайн, вёрстка: Александр Опалев

Адрес редакции: 141080, г. Королёв, Московская область, ул. Калининградская, д.1. Тел.: (498) 602-91-80. www.hrampkostino.ru

Подписано в печать: 20.02.2017

Отпечатано в ООО «Витапресс Графикс». 141070 г. Королёв, ул. Пионерская, д.2. Заказ №4305 от 20.02.17. Тираж 300 экз. Объём 1 п.л. Печать офсетная.

Банковские реквизиты храма:

Получатель: Богородицерождественский храм
ИНН 5018023872 КПП 501801001
ОСБ 2570 г. Королёв
Банк получателя:
Сбербанк России г. Москва
р/с 40703810240170100159
к/с 30101810400000000225
БИК 044525225

Газета издаётся с ноября 2008 г.

Не используйте это издание в бытовых целях и не выбрасывайте его.

Если этот номер вам стал не нужен, подарите его или принесите в храм.